

На следующий день после того, как он в комнате кружка повздорил с Ёсифуми Аоки и Иори Нагасэ, Тайти Яэгаси, как обычно, пришел в школу.

Говоря откровенно, возможно, ему, гордому эгоисту, следовало бы остаться дома.

Но он чувствовал, что если запрется дома, то просто утонет в собственном унынии.

Дома были сестра и родители. Если он что-нибудь устроит, будет плохо.

Кроме того, если бы он решил так поступить, Нагасэ наверняка беспокоилась бы. Второй раз причинить ей боль – душевную или какую угодно другую – Тайти совершенно не хотел.

Одновременно с этой мыслью, «не хочу причинить боль Нагасэ», он сомневался, не эгоистично ли будет выйти наружу сейчас, когда он совершенно не понимает, что ему делать.

Он не понимал, что правильно, что нет. И продолжал бродить по безответной чащобе.

Так или иначе, он пришел в школу.

Но беспокойство, что если он к кому-то приблизится, то может что-нибудь учудить, постоянно перекатывалось в уголке сознания.

Чтобы удостовериться, что он ни к кому не приблизится, он с головой ушел в учебу. Так и терпел до конца уроков.

Когда Нагасэ оказывалась поблизости, он ее нарочно избегал. По мейлу объяснил ей, что решил воздержаться от общения.

Аоки он тоже послал мейл: «Прости, что вчера наговорил гадостей».

Но сколько он ни ждал, ответов не получил.

Даже на физкультуре, которая была у них вместе, Аоки ни разу не взглянул на него прямо.

Смелости идти в комнату кружка у него не было.

И на следующий день ничего не поменялось.

Хоть он и пришел в школу, но ни с Нагасэ, ни с Химэко Инабой не разговаривал – ему казалось, что не разговаривает уже давно. В обычной ситуации он уже на первой перемене хоть немного,

но поболтал бы с ними.

У Ватасэ и других приятелей тоже начали усиливаться подозрения, они спрашивали, чего это он кукуется. Если он отдалится еще сильнее, возможно, это вызовет еще большее любопытство.

И по-прежнему оставалась проблема Юи Кириямы. Нет, на самом деле это была основная проблема.

Ни вчера, ни сегодня Кирияма в школе не появилась. С той драки на станции прошло уже больше недели.

По слухам (точнее, по подслушиванию), Нагасэ вчера навестила Кирияму в одиночку. Но успеха это, похоже, не принесло. Сегодня, по ее словам, она тоже собиралась пойти.

Подруги-одноклассницы Кириямы, по-видимому, тоже строили разные планы, что делать. Но, поскольку они не знали истинных обстоятельств, у них не было шансов чего-то достичь.

О проблеме Кириямы необходимо было думать. Но если во время раздумий о проблеме Кириямы произойдет «высвобождение желания», будет плохо. Поэтому лучше всего, если бы думали все члены КриКа, собравшись вместе. Но если все, собравшись и думая вместе, поддадутся эмоциям, вполне возможно, что кому-то они причинят боль...

Особенно велика была вероятность, что причинит боль Юи он, самоуверенный и думающий только о себе тип.

Все и так было хуже некуда, но худшим из худших был он сам.

Выхода не проглядывалось, абсолютно.

Не в силах понять, что же делать, он просто убивал время.

Сегодня Тайти тоже не смог пойти в комнату кружка.

Неделя прошла.

В субботу Тайти не выходил из дома, так и сидел в своей комнате. О его состоянии даже сестра начала беспокоиться. Боясь «высвобождения желаний», он проводил время в одиночестве. Время тянулось страшно медленно.

Он хотел размышлять о том, что делать. Но не знал, что может натворить, если начнет

размышлять.

Хоть и не желая того, он совершенно пал духом.

Один раз случилось «высвобождение желания», и он разбил стоящий перед носом будильник.

Скрытая внутри него тяга к разрушению привела его в ужас.

«Что со мной станет?» - подумал он.

Он испугался: уж не сидит ли в нем тяга к разрушению?

Будучи один, он медленно, но верно увязал в болоте. Отбросив излишние мысли, в понедельник Тайти вновь направился в школу.

Он решил по возможности не думать о том, что погружает его сердце во тьму. С пустой головой он полностью отдался мероприятиям, запланированным на первую половину дня.

Честно говоря, он не считал, что так уж искусно контролирует свое сердце. При любой возможности внутри него пробуждались различные тревоги.

Но, по крайней мере, «высвобождений желаний», причиняющих вред окружающим, не происходило.

Случайная удача?

Или просто он такой человек?

Сегодня Тайти с другими кружковцами тоже не заговаривал.

■□■□■

В понедельник, посередине шестого урока класса 1-3 (это был классный час).

Шло обсуждение внешкольных учебных мероприятий на ближайшие выходные. Возглавляла его староста Майко Фудзисима, стоящая перед учительским столом.

Тайти устремил все мысли на то, что разворачивалось сейчас перед ним. Ну, попытался устремить.

- Что-то мне скучно. Ведь с самого начала обо всем договорились, - сказал сидящий рядом с Тайти Синго Ватасэ. В первом триместре Ватасэ и Тайти сидели поблизости, потому что места в классе распределяли в порядке, в котором имена значились в списке, но и потом, когда все сменили места, они все равно остались рядом.

- Видимо, сегодня обязательно нужно принять решение.

Осенний триместр первого года обучения в старшей школе Ямабоси включал в себя внеклассные занятия, и каждый класс независимо решал, где они будут происходить и что будут из себя представлять. Задолго до назначенного срока это начало обсуждаться на каждом классном часе, и сегодня наконец пришло время финального рывка.

- Да ладно, это же в итоге будет просто прогулка, а? Решать доверили ученикам - это значит, учителя просто махнули на это дело рукой.

- Сам-то ничего не делаешь, только трепаться горазд.

- Ну, на это у нас есть ее величество Фудзисима-сан. Ах, сегодня она тоже прекрасна.

В последнее время Ватасэ постоянно трещит: «Фудзисима, Фудзисима». Мазохист он, что ли?

- При чем тут вот это «ее величество»?

Тайти устремил взгляд на Фудзисиму. Сегодня тоже ее волосы были собраны в пучок на затылке, а спереди оставалась аккуратная челка.

- Итак, полагаю, сегодняшним внеклассным занятием должно быть групповое приготовление карри.

Классрук Рюдзен Гото заблаговременно испарился со словами «Дальнейшее оставляю на вас. Все полномочия вверю Фудзисиме», после чего Фудзисима тут же взяла все в свои руки.

- Групп будет восемь. В каждой, думаю, по пять человек. Честно говоря, я хотела сделать десять групп, но первая параллель будет пользоваться тем же оборудованием, что и мы, так что общее количество групп выросло.

«Не слишком ли много групп?» «Не лучше ли побольше народу в одной группе?» - посыпались мнения (жалобы) из всех уголков класса.

- Что это вы такое говорите, - покачала головой Фудзисима с видом «ну и ну». - Конечно, важно сохранить у себя воспоминания о лучших страницах юности, наполненных веселой

трепотней с друзьями. Но неужели одно это вас устроит? Есть ведь вещи и поважнее, а?

В классе внезапно воцарилась тишина: все внимательно слушали речь Фудзисимы.

- И это, конечно же... «любовь»!

Фудзисима выбросила палец вперед, словно знаменитый детектив, указывающий на преступника.

- Пусть участников мало, но жизненно важно, чтобы они действовали как команда. Именно благодаря малочисленности не будет такого, что девушки будут болтать между собой, парни – между собой. Естественное освоение командной работы, бьющиеся в унисон сердца, телесные контакты! Этот шанс что-то выпустить из себя, дать чему-то прорасти... Неужели вы хотите его отбросить? Итак, спрашиваю еще раз... Делимся на восемь команд? Или все-таки меньше?

- Восемь, восемь! Сестрица Фудзисима! – заорало большинство парней класса.

Громкий голос Ватасэ тоже был в общем хоре.

Похоже, Фудзисима как-то незаметно успела стать вот такой? Вроде она как староста была более серьезной... Ой? Тайти не мог вспомнить, какова Фудзисима, когда она серьезная.

- Понятно. Поскольку в нашем классе и мальчиков, и девочек по двадцать человек, для начала пусть и те, и другие разделятся на группы: четыре по три человека и четыре по два. Если так уж хочется, ладно, можете создавать группы чисто из парней или из девушек. Если организовать не получится, я сама внесу изменения.

Фудзисима скомандовала «Начали!», и тут же все принялись двигать стулья и оживленно переговариваться.

С кем бы мне объединиться, подумал Тайти.

Парни-то ладно, но что насчет девушек? Видимо, чтобы быть готовым к неожиданным ситуациям, лучше быть вместе с Нагасэ и Инабой? С другой стороны, он держал дистанцию как раз для того, чтобы этих самых неожиданных ситуаций избегать.

Так не пойдет. Опять он забивает себе голову больше, чем нужно...

...Он вспомнил Нагасэ, ударившуюся о шкафчик.

На самом-то деле тогда ничего серьезного не было, у Нагасэ уже ни ссадинки не осталось. Но

если бы тогда на ее пути оказалось оконное стекло или еще что-нибудь...

- Давай объединимся, Яэгаси.

- Ага, годится, - кивнул Тайти на предложение Ватасэ.

- А насчет девчонок... однозначно хочу с Фудзисимой-сан!

- ...Эээ...

- Эй, ты опять хочешь объединиться с Нагасэ и Инабой, но я тебе не разрешаю. С ними ты можешь в любой момент встретиться в кружке, а сейчас давай работай вместе со мной. А в следующий раз я тебе подскажу отличное место для свиданок, - заявил Ватасэ, схватив Тайти за плечи. Глаза его смотрели серьезно.

- Хорошая идея... по-моему.

Тайти, размышлявший, как лучше поступить, ответа так и не нашел, но зацепился за другую тему:

- Кстати, Ватасэ. Я знаю, что девчонки на тебя заглядываются и что ты в любовных делах спец, но все же... Фудзисима тебе не по зубам.

- Именно поэтому. А чего ты говоришь таким тоном, будто знаешь про Фудзисиму-сан все?

- Н-нуу, всякое-разное было...

Переговариваясь с Ватасэ, Тайти обводил взглядом класс. Его внимание привлекли Нагасэ и Инаба, сидящие на своих местах чуть поодаль.

- ...Все-таки лучше нам пойти вместе, Инабан.

- Отойди от меня. Я же тебе говорила уже? - раздраженно ответила Инаба.

- М-может, не надо так говорить, а? - ответила Нагасэ тоже беспокойным голосом.

Атмосфера была какая-то нехорошая.

- Это для твоего же блага.

- Я, я как раз о тебе думаю, Инабан...

- Сейчас я думаю верно, а не ты.

- Вот этого я и не понимаю! - выкрикнула Нагасэ.

Все, кто сидел поблизости, испуганно повернули головы к Нагасэ.

Опасная атмосфера начала воздействовать и на окружающих.

Может, у Нагасэ произошло какое-то «высвобождение желания»? Может, ему стоит ее остановить? Но даже если он вмешается...

- Кончай орать, дура! ...Короче, сгинь.

Слова эти прозвучали очень холодно. И непохоже было, чтобы у Инабы произошло «высвобождение желаний», но все равно Тайти почудилось нечто прямо-таки ледяное.

Нагасэ, казалось, была на грани слез, однако стиснула зубы.

- Пойду... ополосну лицо, - пробормотала она, ни к кому конкретно не обращаясь, и вышла из класса.

Класс погрузился в тишину.

- Нагасэ...

Чувствуя, что должен бежать за ней, Тайти отодвинул стул.

В этот самый момент в безмолвном кабинете раздался отчетливый голос.

- Я буду в одной группе с Инабой-сан и Нагасэ-сан.

Голос принадлежал старосте Майко Фудзисиме.

- С чего это вдруг?! - огрызнулась Инаба.

- Если Инаба-сан и Нагасэ-сан не помирятся, это негативно скажется на атмосфере всего класса, чего мне бы не хотелось.

- Нечего тебе к нам цепляться!

По Инабе видно, что в ней бушуют эмоции.

Похоже, слово «самоконтроль» из ее головы уже вылетело.

- Староста обязан оберегать любовь и мир в своем классе.

- Говорю же, не лезь не в свое дело.

- Это мое дело. Потому что я староста.

Фудзисима - просто рыцарь в сияющих доспехах. Тайти не предполагал, что она будет оберегать даже любовь.

- Тебя это устраивает, Яэгаси-кун?

- Ээ, что?! - странным голосом переспросил резко возвращенный в реальность Тайти.

- Эмм... ты же в одной группе с Ватасэ-куном? Значит, решено: команду образуем я, Нагасэ-сан, Инаба-сан, Яэгаси-кун и Ватасэ-кун, всего пять человек. Устраивает, Яэгаси-кун?

- П-почему ты меня спра-...

- Заткнись.

У него возникло ощущение, будто это допрос. В последнее время Фудзисима вообще себя не сдерживает.

Инаба с досадой цокнула языком. Ватасэ положил руку на плечо Тайти.

- Яэгаси, в следующий раз с меня два сока.

■□■□■

После окончания классного часа.

Раздумывая, что ему делать, Тайти увидел, что Инаба направляется к Нагасэ. Какое-то время они переговаривались, но о чем именно, он не слышал. Затем Инаба повернулась к Нагасэ

спиной и вышла.

- Инабан, - позвала ее Нагасэ, но Инаба как будто не услышала.

Нагасэ сникла - это было очень хорошо заметно, если смотреть с близкого расстояния.

Ее плечи поникли слишком сильно, и сумка соскользнула с плеча на пол.

Нагасэ ее медленно подняла.

И в это время ее взгляд встретился со взглядом Тайти.

Тайти тут же отвел глаза.

И сразу подумал: «Блин!»

Почему? Почему он отвернулся? Сразу после того, как они встретились взглядами. Вышло так, будто он ее откровенно игнорирует. Хотя не сближаться, чтобы не причинить боль товарищу, и хорошая идея, но игнорировать-то необязательно. Возможно, так он тоже причинил боль Нагасэ? Он жутко накосячил.

Уткнувшись взглядом в собственную парту, Тайти изо всех сил ломал голову, потом осторожно поднял глаза.

На другом конце взгляда оказалась Нагасэ, которая, повесив голову, выходила из кабинета.

Тайти охватило стремление окликнуть Нагасэ, утешить ее, но он подумал, что, видимо, оно вызвано просто нежеланием видеть грустную Нагасэ, и он презирал себя.

Тайти остался в классе один.

Настенные часы показывали четыре пополудни.

Те, кто после уроков уходили домой, уже ушли; те, кто расходились по кружкам и секциям, уже разошлись.

Ему тоже хорошо бы поскорее отправиться домой. Дома пока что безопасно. Он это понимал, но не мог заставить себя встать.

Так он и сидел один, когда дверь класса открылась.

Вошел Рюдзен Гото, руководитель класса 1-3 и куратор кружка исследования культуры.

На миг Тайти подумал: может, это Халикакаб?

- А, Яэгаси. Что ты тут делаешь один?

Нет. Это обычный, всегдашний Гото.

- Не... ничего особенного.

Гото подошел ближе.

- Ээ, послушай. Другие учителя жаловались, что этот стол шатается, и я попросил его заменить, а мне сказали, чтобы я сделал это сам. Как тебе это нравится? Это же не обязанность учителя, как считаешь? Ну, если денек подождать, то, наверное, с этим что-нибудь сделают, но завтра будет урок как раз у того учителя, который жаловался. Какой он шумный, этот учитель.

Произнося свой монолог, он приподнял учительский стол за край и остановился.

- Ты ведь свободен, я вижу. Помоги мне.

В итоге Тайти и Гото, стоя лицом к лицу, понесли учительский стол.

Тайти был лицом по направлению движения и старался на Гото не смотреть. Гото ему ничего плохого не сделал, но каждый раз, глядя ему в лицо, Тайти вспоминал Халикакаба, и это было неприятно.

- Ффуф, Яэгаси, спасибо, что помогаешь. Одному по лестнице идти было бы опасно.

Тайти в ответ лишь протяжно выдохнул.

Он всегда четко различал: Гото это Гото, Халикакаб это Халикакаб. Но сейчас он не мог спокойно смотреть на Гото. Опасался, что сорвется и выплеснет на него свою злость.

Они свернули за угол коридора и перешли в другой корпус.

- Эй, - прозвучал голос Гото; его интонации несколько изменились. - По-моему, тебя что-то гнетет.

От этого вопроса, попавшего точно в цель, Тайти едва не уронил стол. Поспешно перехватил его.

- Не, это...

- Когда ты отпираешься с таким унылым видом, это звучит неубедительно. Что, тебя отшили? Кто, Нагасэ или Инаба? Или... Кирияма?

- Ничего такого не было, - категорично заявил Тайти. Ему очень хотелось, чтобы его перестали ассоциировать с любовными делами.

- В такие времена стоит посоветоваться с друзьями.

- А?

Эти слова были произнесены с такой серьезностью, да еще так по-учительски, что Тайти даже переспросил.

- Говорю же, стоит посоветоваться с друзьями. А, только не проси у меня совета! Я далек от любовных дел старшеклассников.

Когда на эти слова Тайти ничего не ответил, Гото пробормотал: «Если побеседовать с друзьями, обычно какое-нибудь решение находится».

Этот говорящий серьезные вещи Гото... не был обычным собой, безответственным учителем, больше похожим на ученика, чем на учителя.

Он был правильным, надежным взрослым человеком.

Невольно Тайти чуть расслабился и неуверенно произнес:

- Но... если я обсужу с друзьями, то причиню им боль.

Сколько они уже ранили друг друга, когда обсуждали, как помочь Кирияме?

- Хаа? Разве друзья не для того и нужны, чтобы причинять друг другу боль и доставлять проблемы?

Изумленный, Тайти уставился в глаза Гото. Тот смотрел на него с видом «А что такого? Это же очевидно».

Друзья – для того, чтобы причинять друг другу боль и доставлять проблемы.

– Значит, ты сейчас в таком положении, что если будешь обсуждать, то причинишь кому-то боль?.. А, любовный треугольник, да?

И, сам с собой соглашаясь, Гото закивал.

– Но и в такой ситуации лучше всего не убегать, а как следует все обсудить. Если честно, глаза в глаза, все обговорить, с друзьями как-нибудь образуется. Возможно, ты ошибся, но если не поговоришь об этом, то ничего и не изменишь, а потом всю жизнь будешь жалеть. Раз так, не лучше ли ошибиться из-за того, что ты что-то сделал?

Это был не оптимизм, не стремление избежать рисков – это была уверенность, что все как-нибудь образуется.

Тайти вслушивался в слова Гото.

– Возможно, ты ошибешься, но знаешь – без конфликтов не бывает настоящих друзей. Можно сказать и наоборот: если все время заботиться о безопасности, то потеряешь что-то важное.

Эти слова медленно впитались в сердце Тайти.

Если он будет думать только о безопасности, то в самом деле потеряет что-то важное?

– Оо, неужели я говорю как учитель? Ты тоже немного тронут, а?

– ...Если бы вы вот это не сказали, я в самом деле был бы тронут.

– Ну что, трудно было ответить «Да, сэнсэй меня растрогал»? Точнее... а? Фудзисима, что ты тут делаешь?

Гото внезапно остановился и окликнул идущую по коридору Фудзисиму.

– Занимаюсь подготовкой к ближайшему внеклассному занятию... Сэнсэй, вы тоже заняты делом? Примите мою благодарность, – формальным тоном ответила Фудзисима.

– Нуу, даа... Кстати, Фудзисима, не обсудишь ли кое-что с Яэгаси?

«Ээ...» «А?» – одновременно отреагировали Тайти и Фудзисима.

- Я объяснил Яэгаси, насколько важно обсуждать разные вещи с друзьями. Поэтому, Фудзисима, не выслушаешь ли его? Сейчас, похоже, у него есть проблемы.

- Сэнсэй. Я, конечно, староста вашего класса, но хорошо ли сваливать на меня все? И потом, Яэгаси-кун мне не друг. Он мой соперник.

...Похоже, Фудзисима действительно воспринимает его вот так.

- Что?! Соперник Фудзисимы!.. Эй, что у вас за сложные отношения?.. В последнее время ученики старшей школы растут слишком быстро... Хм, но это ведь и хорошо, что Фудзисима - заинтересованное лицо? Так что непременно поговорите друг с другом.

- Эй, погодите, Го-сан! - обратился к нему Тайти по прозвищу, но Гото его уже не слушал.

Явно все поняв катастрофически неправильно, он схватил стол, который до того нес вместе с Тайти, и быстро потащил его прочь.

Посередине безлюдного коридора остались только Тайти и Фудзисима.

- ...Во дает. Ну ладно. Яэгаси-кун. Что у тебя за проблемы? - поправив очки, спросила Фудзисима.

- Не, никаких особо...

Это, видимо, не та тема, которую можно обсуждать с Фудзисимой. Кроме того, он ведь уже один раз попытался ее оттолкнуть, значит, и к ней лучше не прибли-... - додумав до этого места, Тайти остановился.

Неверно.

Где-то он ошибается.

Такое у него возникло ощущение.

- Нет? Ну и ладно тогда. ...А, может, это как-то связано с Инабой-сан или Нагасэ-сан?

- Уу...

Она попала в яблочко, и это явно отразилось на лице Тайти.

- Хм. В таком случае я как защитница любви и гармонии в классе никак не могу пройти мимо. Что у вас? Рассказывай.

Фудзисима всем видом показывала, что никаких увиливаний не потерпит.

Глаза из-за очков смотрели остро.

Возможно, ему не удастся сбежать, ничего не ответив.

Тем не менее.

У него было ощущение, что если он сейчас сделает шаг вперед, то что-то сможет увидеть.

Сейчас он чувствовал себя не так уж противно. Жившее в нем последнее время ощущение, что что-то постоянно сверлит его сознание, тоже ослабло. Даже если произойдет «высвобождение желаний», вряд ли он натворит что-то очень уж плохое.

Он подумал, что стоит задать Фудзисиме тот же вопрос, который он уже задал Гото.

- Скажи, Фудзисима, если ты знаешь, что, если обсудишь что-то с кем-то, то причинишь ему боль... как ты поступишь?

Услышав слова Тайти, Фудзисима вздохнула. Словно неявно говоря: «Что, ты даже этого не знаешь?»

- Ну, значит, стоит не обсуждать?

- Ну, если посмотреть под этим углом, то... Но есть вещи, которые нельзя сделать, если не обсудить.

- Ну, значит, стоит обсудить?

- Не, но тогда я могу причинить боль тому, с кем обсуждаю...

- Тогда так, Яэгаси-кун. Что для тебя важнее? Не причинить боль тому, с кем ты обсуждаешь? Или чего-то достичь благодаря обсуждению? Какая твоя главная цель? Что для тебя действительно самое важное? Если вот так подумать?

Фудзисима закидала его градом вопросов.

«Главная цель.

То, что для меня самое важное».

- Если ты, собрав всю решимость и веру, определишь, что для тебя самое важное, могут произойти неожиданные вещи. Напротив, если ты это не определишь, зачастую может оказаться так, что ничего поделать вообще невозможно, - и Фудзисима чуть улыбнулась.

Эта улыбка, пробившая ее железную маску, пробудила в Тайти странное ощущение: вправе ли он это видеть?

Но для Тайти это улыбающееся лицо было полно очарования.

- Кстати говоря, лично я считаю, что люди вообще - существа, которые созданы причинять друг другу боль. Впрочем, ты, Яэгаси-кун, можешь думать по этому поводу что угодно.

Люди созданы причинять друг другу боль.

Фудзисима сказала это как нечто естественное.

Тут она вдруг сказала «Ой, извини» и достала мобильник. Судя по всему, ей кто-то позвонил.

- Алло. А... что случилось? Ага... ага... То есть консультация по любовному вопросу. Предоставь все мне.

Староста, на которую полагаются все, действительно была очень занятым человеком.

- ...Да, ну ладно, пока.

Закрыв телефон, Фудзисима снова встретила Тайти взглядом.

- Прощу прощения. Мне тут надо кое-чем заняться. Ты еще что-нибудь хочешь спросить?

- ...Нет, больше ничего. Если тебе надо идти, иди.

- Хорошо. Я пойду тогда. Если хочешь, чтобы я тебя в чем-то поддержала, обращайся в любое время. ...Если это вопрос, влияющий на отношения в классе, я помогу.

Оставив позади эти слова, Фудзисима бодро зашагала прочь.

Со спины ее фигура выглядела так притягательно, что Тайти наполовину в шутку спросил:

- Фудзисима... ты вообще кто?

- Я?

Фудзисима резко обернулась. Собранные на затылке волосы колыхнулись.

Она приподняла очки.

- Сейчас я, наверное... миссионер любви.

Эти шутливые слова Фудзисима произнесла со своим обычным серьезным выражением лица

Фигура Фудзисимы все удалялась и наконец, свернув на лестницу, исчезла.

Тайти остался в коридоре один.

Но, хоть он и остался один, ощущения «я остался один» не было.

И ровно сейчас включилась общешкольная трансляция.

- Гото-сэнсэй, Гото-сэнсэй. Срочно зайдите в учительскую.

Гото получил вызов. ...Хорошо бы не из-за того, что он забыл про какое-нибудь совещание.

Протяжно выдохнув, Тайти зашагал.

С того времени, как они оказались вовлечены в устроенные Халикакабом феномены, Тайти и компания постоянно обдумывали ситуацию впятером.

Вполне естественно, если учесть их положение.

Но, разумеется, мир не состоит лишь из них пятерых. Он включает в себя и других людей. Силу окружающих можно одалживать. Окружающим можно доставлять беспокойство.

В конечном счете самые разные люди оказываются связаны между собой.

Наконец-то Тайти вспомнил этот очевидный, но позабытый факт.

Тайти в одиночестве пришел в комнату кружка исследования культуры.

Всего несколько дней его тут не было, но он уже успел соскучиться.

Он сел на черный диванчик, рассчитанный на троих.

Стулья, стоящие вокруг двух составленных вместе длинных столов, пустовали.

С того дня, когда все пятеро собрались здесь в последний раз, прошло уже недели две.

Тайти сделал глубокий вдох.

И попытался обдумать, что делать дальше.

Всегда, когда он думал в одиночестве, то не мог решить, что же ему делать. Но сейчас он чувствовал, что это не имеет значения.

Он бы солгал, если бы сказал, что не боится.

Когда он думал «хочу помочь такому-то и такому-то», в результате он мог причинять другим боль, но даже это было второстепенно.

Существовала опасность.

Но сейчас он чувствовал, что видит нечто.

Лучи света, подаренные ему Гото и Фудзисимой, освещали нечто.

Упустить из виду это нечто никак нельзя. Если упустит, то не заметит что-то очень важное.

Поэтому Тайти думал.

Сейчас он пытается держаться подальше от остальных из КриКа.

Почему?

Потому что он не хочет причинять им боль.

Раз нельзя причинять боль, он воспользовался методом под названием «избегание».

Но действительно ли это правильный выбор?

Действительно, если всего избегать, то, возможно, «высвобождения желаний» прекратятся.

Но гарантии такой не было.

И, возможно, избегать всего им уже не удастся? Раз их так вот загнали в угол, то сейчас им оставалось лишь запереться по домам?

Если нынешний уровень стресса сохранится, можно быть уверенным: кто-то из них не выдержит и взорвется.

Этого следовало избежать любой ценой.

И - что же все-таки для него самое важное?

Сейчас он изо всех сил стремился к тому, чтобы никто не страдал.

Конечно, это важно.

Вполне естественно желать, чтобы, насколько это возможно, никто, включая окружающих людей, не страдал.

Но была ли это его цель?

И будет ли к лучшему, если он ее достигнет?

Ради этого ли он живет?

Нет. Это не может быть целью.

Тогда почему же он так отчаянно пытается не допустить, чтобы кто-то страдал?

Потому что они все его друзья.

Потому что они все ему очень дороги.

Ничего удивительного, что в нем сильно нежелание видеть, как они страдают.

Но сам он... живет вовсе не для того, чтобы люди не страдали.

Почему же он сейчас так мучается?

Что ему делать, чтобы разрешить все проблемы?

Чего он хочет на самом деле?

Естественно, его желание – чтобы все были здесь, с ним?

Кирияма от потрясения заперлась дома. Эту проблему пытались решить все. Но лишь бились лбом об стенку и ничего не достигли.

Что же ему делать?

Чего он хочет добиться?

Что будет лучше всего?

Снова собрать всех вместе и вытащить Кирияму из заточения.

Не в этом ли должна быть цель?

Очевидно же, что так было бы лучше всего. Тогда почему, несмотря на это, он не старается достичь такого решения?

Он ошибся. Он забыл. Он потерял из виду то, что действительно важно.

Если он будет обороняться, ситуация станет хуже. И что ему в таком случае делать?

Атаковать.

Иногда нападение – лучшая защита.

Он не хотел причинить кому-то боль. Не хотел причинять боль. До смерти не хотел. Он думал, что ради того, чтобы этого избежать, стоит идти на любые жертвы.

Такой он самодовольный тип.

Может ли такой самодовольный тип лелеять такую мечту?

Он не знал.

Но если он не знает, почему бы не спросить друзей?

Хорошо бы ему прекратить действовать вполсилы, как сейчас, и разобраться наконец, где черное, а где белое.

Есть то, чего он хочет.

Это желание ведь все испытывают?

Он вспомнил лицо Нагасэ, лицо Инабы, лицо Кириямы, лицо Аоки.

Он хотел быть вместе со всеми.

Хотел, чтобы все снова собрались в этой комнате.

Возможно, это эгоизм.

Но чего он сейчас действительно хочет?

На это он и будет надеяться.

А что об этом думают остальные?..

■□■□■

Тайти решил связаться с единственным человеком, который сейчас не пытался дистанцироваться от остальных, - с Иори Нагасэ.

Сказал, что ждет Нагасэ в комнате кружка.

Похоже, она была еще в школе - сказала, что придет сразу же. Но...

Внезапно раздался грохот, и дверь комнаты распахнулась.

- Та-Тайти! - выкрикнула Нагасэ. Ее плечи тяжело вздымались.

- П-привет... Можно было и не торопиться так уж.

- Пото... потому что... ты сказал... что теперь хочешь общаться со мной.

Нагасэ согнулась, упершись руками в колени. Похоже, она очень вымоталась. Тайти ждал, пока она чуть успокоится.

Нагасэ продолжала дышать тяжело.

Когда Нагасэ вновь оказалась перед ним, Тайти охватил страх - он растерялся, не знал, что делать.

Он не хотел причинить Нагасэ боль; он боялся, а вдруг случится «высвобождение желаний» - какое бы оправдание он сейчас ни придумал, это не меняло того факта, что он таки причинил ей боль. А возможно, и Фудзисиме тоже. Это - реальность, от которой не избавишься.

Физически ранить человека - низшее из деяний.

И он, сделавший это, - низший из людей.

Пусть само действие было вызвано «высвобождением желания», но захотел-то сделать это он, Тайти.

Он был полностью захвачен одной мыслью, видел лишь ее и не мог предсказать последствия своих поступков.

Он такой человек.

Он такой человек, но...

- ...Ну, Тайти. Что случилось? - спросила отдышавшаяся наконец Нагасэ.

Тайти посмотрел ей прямо в глаза.

Их взгляды встретились.

Ее зрачки, подобные прозрачным бриллиантам, впились в глаза Тайти.

Нагасэ даже чуть-чуть не пыталась убежать. Она пыталась увидеть, что будет дальше.

Что он хочет сделать?

Что-то, за что он заслужит прощение?

- В общем, Нагасэ. Я... просто жуткий эгоист. Стоит мне что-то вбить себе в голову, и я уже больше ничего не вижу и пытаюсь бежать к цели напролом.

Нагасэ, не говоря ни слова, пристально смотрела на Тайти.

- И потом, я... если уж решу, что что-то правильно, то буду пытаться это сделать во что бы то ни стало...

Поэтому он причинил боль Инабе.

Повздорил с Аоки.

И Нагасэ тоже причинил боль.

- Поэтому в итоге получается... я эгоист.

Вот то, в чем он должен был как следует признаться.

- Из-за того, что я такой никчемный тип... я пытался держаться от всех подальше, потому что не хотел никому причинять боль. ...Хотя, наверное, ты это и так знаешь.

Он облажался, и это его угнетало.

- Но... когда я попытался держаться на расстоянии, то подумал... что все-таки хочу быть вместе со всеми.

Эгоистичное желание, не правда ли?

- В общем, как я уже сказал, я эгоист... Думаю, что и боль другим я иногда причиняю. Хотя, конечно, изо всех сил стараюсь, чтобы этого не было. И все равно...

Могут ли люди жить, не причиняя боль другим?

- Такой я - просто жутко отвратительный. Наверное, все терпеть не могут, когда им причиняют боль, но... я все равно хочу быть вместе со всеми.

Такие важные для него узы между ними пятерыми.

- И я решил: уж лучше причинять боль, но быть со всеми, чем не причинять, но быть в стороне. Поэтому... Нагасэ, может, тебе это не нравится... не исключено, что я еще сделаю тебе больно, но все равно, Нагасэ, если ты тоже хочешь быть со мной вместе... можно я буду с тобой?

«Попробую пожелать. Попробую спросить».

И что об этом думает Нагасэ?

Пока он говорил, Нагасэ не отводила от него взгляда.

Потом шмыгнула носом.

Губы изогнулись. Плечи затряслись. На глазах выступили слезы.

- Э... а... эй...

Тайти не ожидал, что она расплечется, и потому всполошился.

В следующий миг Нагасэ осела на пол.

- Злой ты, Тайти!

- Не... это... прости. За то, как я... выражался.

- Проблема не в этом! - сидя на полу, опустив голову, выкрикнула Нагасэ. - Я все это время так старалась, чтобы все было хорошо!.. А мне только твердили - отойди, отойди! Даже когда никто здесь не собирался, я одна ходила к Юи!

После этих слов Нагасэ Тайти внезапно осознал.

Он намеревался думать обо всех, чтобы никому не было больно.

И тем не менее он не замечал, что Нагасэ так страдает.

Он хотел думать обо всех, а в итоге ничего не придумал.

- Но... если ты говоришь, что больно могло стать всем... это же естественно, что тебе хотелось держаться подальше... Но, хотя ты и думал так...

Нагасэ вдруг вскинула голову. Глаза ее были красными, но слез уже не осталось.

- «Ничего не поделаешь, придется причинять боль другим и получать ее от других»... Вот так... годится? - спросил Тайти.

Годится или нет, он не знал.

Что по этому поводу думают Нагасэ и остальные?

Нагасэ снова опустила голову.

А потом снова подняла.

- Ну... думаю, годится.

И лицо Нагасэ расцвело в улыбке.

Лицо Тайти, словно следуя примеру, тоже расслабилось. У Тайти было ощущение, будто он не улыбался уже бог знает сколько времени.

Тайти протянул правую руку, Нагасэ стиснула ее и встала.

Они глядели друг на друга в упор. Настолько близко, что вытяни руки - и могли бы обняться.

Но тут же они разом отвели глаза и сделали шаг назад. ...Все-таки нынешнее расстояние их слишком смущало.

- Та... Тайти, теперь ты попробуешь так же поговорить с остальными, чтобы снова... собрать здесь всех пятерых? - с легким румянцем на щеках спросила Нагасэ.

- Ага... попробую.

Он и сам этого хотел. И наверняка все остальные хотели того же. Тайти так думал. Но верно это или нет на самом деле, он не знал.

Что же нужно сделать, чтобы разобраться, прав ли он?

Ответ невероятно прост.

Всего лишь – надо обсуждать.

- Вот как. ...Но как-то беспокойно на душе... Я тоже всячески старалась сделать, чтоб всем было хорошо, а ты взял и разом все забрал, – сказала Нагасэ, надувшись.

- Э... это...

- Забей, я просто хотела тебя подколоть. Не парься. Кто именно решит проблему, неважно.

Несмотря на то, что Тайти думал, что их отношения уже заледенели, стоило им встретиться, как отношения начали оттаивать.

Хоть Тайти с Нагасэ и держались поодаль, связь между ними все же сохранялась.

- Кстати, Тайти, ты только что говорил «я эгоист», да?

- Ну да.

- Думаю, ты точно эгоист.

- Гухаа?!

Услышать такое от другого человека – это его проняло.

- Но, хоть ты и эгоист... то, что ты хочешь делать, обычно правильно. Проблемы часто бывают с тем, как ты это делаешь, – тут Нагасэ склонила голову набок, словно раздумывая: «Как бы это сказать?» – В общем, Тайти, ты суперпрямолинейный. Как упрямый старикан.

- Т-ты это не в смысле, что я как старик?

Сестра ему тоже это сказала, и он, если честно, малость беспокоился.

- А-ха-ха. Может, тоже есть чуть-чуть.

Эти минуты, когда он расслабленно болтал с Нагасэ, наполняли его удовольствием. Он уже не

думал об их ситуации как о чем-то сверхсерьезном, и ему казалось, что они смогут как-то снизить воздействие «высвобождения желаний».

- Но знаешь... от тебя я никак не ожидала услышать слова «Ничего не поделаешь, придется причинять боль другим».

- Это мне не нравится. Страшно не нравится. Но как иначе-то? Может, это из-за того, что я сейчас вижу, как страдают все...

Он и сам этого толком не понимал. Но, несомненно, сейчас самым сильным в нем было желание, чтобы все собрались здесь. Возможно, это означало, что узы, связывающие его с друзьями, стали для него важнее всего остального.

- А... кстати, я еще раз извиняюсь. За то, что оттолкнул тебя, и ты ударилась головой...

При этих словах Тайти Нагасэ сделала чуть смущенное лицо.

- Говорю же, сколько можно извиняться? Это же просто случайность, ты захотел «убрать помеху с дороги» и оттолкнул меня, так? Просто «высвобождение желания».

Но сколько он ни извинялся, этого было недостаточно.

- Но я...

- Тайти, - перебила его Нагасэ. - Иногда без того, чтобы «причинять боль друг другу», не обойтись, так ведь?

- ...Это, по-моему, другое.

- Мм, возможно... но это неважно! Потому что я говорю, я в порядке. Просто в следующий раз будь осторожней.

И Нагасэ мягко улыбнулась.

- Ну... очень важно, чтобы впредь я такого никогда не делал...

- Это точно.

- Но смогу ли... Нет, обязательно смогу. Должен смочь.

Он уже признал, что причинять друг другу боль неизбежно, но значит ли это, что причинять боль друзьям необходимо?

В ситуации, когда происходит «высвобождение желаний», не поймешь, насколько есть смысл говорить о «ментальной готовности». Но если желать чего-то всем сердцем, ситуация может и измениться.

Какой он человек сейчас?

И каким человеком он собирается стать?

- ...Так! Кстати, Тайти, ты ведь не собираешься ограничиться тем, что позвал сюда меня?

И Нагасэ улыбнулась.

При виде этой улыбки Тайти почувствовал, что способен на все.

- Да, конечно. Мы снова соберемся все вместе. Я хочу всех собрать. Думаю, это и остальным по душе. ...Конечно, все зависит от того, чего именно хотят они сами.

- Отлично, тогда что делаем? Позвоним... не, может, лучше встретиться лично? Тогда я... хочу в первую очередь пойти к Инабан. Сегодня в классе мы слегка поцапались, и...

- Вот как... Тогда я свяжусь с Аоки. У меня ощущение, что лучше нам для начала поговорить наедине. Мы с ним недавно... жутко поругались, и я хочу насчет этого поговорить.

- Ага, ясно. ...А потом атакуем Юи.

- Да.

Кирияме сейчас больше всех. Да, они не могут не причинять боль друг другу, но это совершенно не оправдание.

Но если все объединят силы, то чего-то, наверное, смогут добиться. Смогут или нет, Тайти не знал, но попробовал поверить, что смогут.

Только когда они все вместе, пятером, они становятся кружком исследования культуры.

- Ладно, идем. И пусть в следующий раз здесь будут все пятеро.

- Да!

Тайти и Нагасэ стукнулись кулаками.

Тайти позвонил Аоки. «Хочу встретиться и поговорить! Непременно!» Аоки, явно удивленный напором Тайти, сказал, что понял.

Тайти хотел встретиться как можно быстрее, поэтому направился в сторону дома Аоки.

Они встретились на берегу реки возле станции.

Аоки был все еще в школьной форме. Увидев Тайти, он с натянутой улыбкой поднял руку.

- Салют... Давно не виделись, - поздоровался он, трусцой подбежав к Тайти.

Не виделись они всего четыре дня, но эти четыре дня ощущались очень долгим сроком.

- Ага...

Аоки отвел глаза.

Тайти не помнил, чтобы Аоки, всегда жизнерадостного, окутывала такая атмосфера, как сейчас.

Незнакомое место. Только что Тайти бежал со всех ног, но сейчас его сознание снова захватили те же мысли.

Что же делать? Что говорить? Что думать? Вот какие страхи сейчас владели Тайти.

Если он снова ошибется? Если снова сорвется?

«Высвобождение желаний» вскрыет все.

Но если друзья останутся друзьями, даже когда все вскрыется...

Тогда бояться нечего.

Аоки его обозвал «эгоистом» и сказал «ты кем себя считаешь?!». Это, конечно, было печально.

Но ведь слова Аоки были несомненной правдой.

И он думал, что, если Аоки о нем такого плохого мнения, то лучше им держаться друг от друга подальше.

Но все-таки он хотел оставаться другом Аоки.

Так он считал теперь.

Но что думает сам Аоки?..

- Слушай, Аоки... Я тогда... правда наговорил гадостей. Я был надменным индюком. Я думал, что уж я-то смогу все, что я прав. Но... как ни посмотри, а я ошибался. Ошибки уже не отменишь, но можно извиниться. Прости меня.

И Тайти низко опустил голову.

Аоки сразу ничего не ответил, и какое-то время висело молчание.

«Что же сейчас будет?» - Тайти робко поднял голову.

Аоки принялся лохматить свои волосы руками, повернувшись к реке.

- Ааа! Дерьмо! Ты меня опередил! Угаа! - во все горло заорал он.

- Ээ, эй... Что ж ты так громко... Люди же смотрят... - поспешно сказал Тайти. Аоки ответил с улыбкой:

- Слушай, Тайти. Давай чуток посидим. Двое парней на берегу реки разговаривают, любуясь закатом, - это ли не расцвет юности? Самый расцвет.

Тайти сел рядом с Аоки.

В текущей мимо реке ярко отражалось солнце. Ветер гладил Тайти по щекам. Время было уже довольно позднее, но воздух все еще оставался приятно-теплым.

- Не... По чесноку если, я тоже собирался извиниться. Но как только ты позвонил, я сразу понял, что ты меня опередил, - сказал Аоки и снова улыбнулся. - Хотя ты и извинился по

мейлу, но я проигнорил... Как бы это сказать... Тогдашние слова Иори-тян меня... просто убили. Нет, Иори-тян не была жестокой. Но ее слова попали в яблочко, потому и подействовали так...

- В яблочко... да?

- Я, ни на что не способный, наверно... завидовал Тайти, который всех спас... Конечно, я это тоже не хотел признавать и поэтому убежал... Особенно... я ведь тоже хотел думать, как помочь Юи, но в конечном счете думал только о себе... Это был шок.

- «Всех спас», тоже мне... Просто случайность. И потом, я ведь все время твердил, что хочу спасти Кирияму, а в итоге тоже думал только о себе.

Оба разом вздохнули.

- Знаешь, Тайти, ты тоже... прости меня. Я тебе страшно завидовал и из-за этого наговорил гадостей... Если ты сможешь меня простить...

- Все нормально, Аоки. Ты ведь тогда сказал правду. Думаю, я должен это признать.

Признать, что он такой человек.

- Понимаешь, я тоже надменный тип, и если мы будем вместе, то наверняка будем часто цапаться... Но все равно, давай будем вместе, а? Я... хочу вместе с Аоки много чем заниматься в той комнате.

Аоки какое-то время изучал лицо Тайти, молча моргая.

- Ээ... сейчас вот так говорить правда было необходимо? Точнее... мы как пара влюбленных, я прям застеснялся! У меня таких увлечений нету.

- У меня тоже.

На этот раз они оба слегка улыбнулись.

- Хаа... но я на самом деле жалкий. Вывалил свой гнев на тебя, Тайти, а в итоге ты первый извинился...

- Не, ну ты же тогда ничего неправильного не сказал.

-Да, но ведь ты же тогда подумал, что хочешь любой ценой спасти Юи, так? По-моему, это

мегаклассно. По-моему, если бы не «высвобождение желаний», если бы ты мог сохранять спокойствие, то и не стал бы делать так, что кто-то пострадал.

- Ну, если думать позитивно, то можно сказать и так... Аоки, это ведь и к тебе относится. Все, что ты делал, было ради Юи.

- Более-менее... Хотя в итоге, возможно, все-таки ради себя... Но... Знаешь, прямо идеального, чтоб все делать только ради кого-то другого, наверно, и не бывает. Так только настоящие святые могут, - глядя куда-то вдаль, пробормотал Аоки.

Иногда Аоки высказывает потрясающе глубокие мысли.

Обычно он кажется легкомысленным парнем, но, возможно, важные вещи он понимает вполне правильно.

Как ни посмотри, а они все еще не взрослые.

Жить только ради кого-то другого они не могут.

Но они могут это принять.

- Конечно, в итоге это, может, ради нас самих... Но все-таки мы... - начал было Тайти, но Аоки его оборвал:

- Хотим спасти Юи, да?

И Аоки хлопнул себя по бедру.

- Таак, давай тогда еще раз подумаем, как мы можем ее спасти! А... но если, как в тот раз, случится «высвобождение желаний» прямо во время обсуждения... Но... по-моему, сейчас ничего страшного...

- Ага... кстати, - начал было Тайти, но тут сказал «не, ничего» и помотал головой. На самом деле он подумал, что стоит связаться с Нагасэ, отправившейся к Инабе, и, если у нее все прошло гладко, встретиться... но решил пока подождать. Если там случится что-то плохое, Нагасэ сама ему позвонит.

Он чувствовал, что сейчас они вдвоем с Аоки, если объединят силы, смогут чего-то добиться. Если им удастся что-то сделать с Кириямой, это будет большой успех. Ну а если не удастся, то там будет видно. Тогда можно будет подключить еще чью-то силу.

- Ладно, первый вопрос: что нам делать с Юи? Нет, «что нам делать» - это слишком высокомерно. Чего мы ожидаем от Юи? - снова начал обсуждение Аоки.

- Я, естественно, ожидаю, что она сможет выйти из дома. ...Я не знаю, когда этот феномен закончится.

В худшем случае, если ей самой это не понравится, пусть она будет держаться от них на расстоянии - неважно. Пусть она не придет в комнату кружка - неважно.

Но если она даже в школу не начнет ходить и продолжит сидеть дома одна - это будет совершенно недопустимо.

- Но хорошо бы все-таки... обойтись без того, чтобы кому-то причинить боль.

Какое-то время они вдвоем ломали голову.

- Блин, вообще-то... для нас двоих это не тяжеловато, а? Думаю, все-таки и сама Кирияма должна постараться.

Хорошо бы им удалось найти какое-то простое решение. Но в нынешней ситуации это, видимо, было бы трудно. Необходимо, чтобы сама Кирияма приняла как данность, что она будет нести определенный риск.

- Это точно.

- Если быть осторожными с собственными чувствами, «высвобождение желаний» в какой-то степени можно притушить, это понятно. ...Но иногда это не срабатывает.

- Вот это «иногда не срабатывает» и есть проблема, - указал Аоки. И он был прав.

- Если мы будем рядом, то сможем остановить Кирияму...

- Ты серьезно думаешь, что мы сможем удержать Юи?

Юи Кирияма, бывшая гениальная каратистка. ...Как ни посмотри, а это нереально.

Приунув, Тайти продолжил:

- Говорить типа «Если по-настоящему стараться и проявлять осмотрительность, то все будет хорошо» бесполезно, да?..

- ...А? Что еще за убежденность, что если очень захотеть, то все получится, прямиком из Сёва [1]? Тайти, ты головой думаешь?

- Ээ, слышать такое от Аоки - это...

Это, как правило, шокирует.

- В смысле, так ты и победил моральную травму Юи. ...А, но там ведь сработала чудо-идея с пинком в ценное место? Seriously, твой стиль мышления для меня полная загадка.

- Нуу, тогда... тогда была особая ситуация, обмен личностями... Точнее, именно обмен личностями и сделал это возможным, так?

- Вот это внезапный переход к позитивному мышлению! - и Аоки наигранно откинулся назад. - ...Но именно сейчас это, наоборот, не сможет сработать... ай!

Аоки шлепнулся на спину.

И вскинул руки вверх, словно в жесте «бандзай» [2].

- ...Что такое? - поинтересовался Тайти.

- Ка... кажется, у меня идея...

- П-правда?

- Оу! Только не уверен, хорошая или нет... Но, но пока надо подумать, что именно сказать! Эх, была бы здесь Инаба-ттян, она отлично умеет лапшу вешать.

Выслушав Аоки, Тайти какое-то время колебался, говорить или не говорить, но в конце концов решил сказать:

- ...Я тоже неплохо умею?

В этом он был не уверен, но все же попытался.

Ощущение было, что получится.

Куй железо, пока горячо. Тайти и Аоки решили действовать немедленно.

В довольно поздний час они вдвоем подошли к дому Кириямы.

Перед домом они встретили мать Кириямы. Немного поговорили с ней. Похоже, она забыла что-то купить и сейчас направлялась в супермаркет.

По сравнению с тем, что было неделю назад, мать Кириямы явственно осунулась. Настолько, что это было заметно даже Тайти, который видел ее лишь мельком. Как же сильно она страдала? И как сильно тревожились остальные члены семьи Кириямы?

Кирияму необходимо спасти и ради окружающих тоже, подумал Тайти.

Получив разрешение войти в дом, они с Аоки из прихожей направились на второй этаж, где была комната Кириямы. В доме больше никого не было, но мать Кириямы это, похоже, не волновало.

Мысленно Тайти вздохнул с облегчением. С точки зрения того, что им предстояло сделать, даже лучше, что в доме больше никого нет.

Подойдя к двери, Тайти и Аоки переглянулись.

Тайти не был уверен, что ему стоило бы так говорить, но он думал, что они вдвоем разработали потрясающую стратегию. В самых разных смыслах.

Аоки, чье лицо было полно решимости, как у солдата перед битвой, кивнул Тайти. Тот вернул кивок.

Аоки постучал в дверь.

«...Кто там?» - донесся из-за двери слабый голос Кириямы.

- Только мы с Тайти.

«...Заходите».

Так было и во второй раз, когда они сюда пришли; похоже, Кирияма больше не сопротивлялась тому, чтобы они к ней заходили.

Они здесь были уже в третий раз.

Входить в комнату Кириямы стало даже как-то привычно.

Яркие цвета, полно миленьких вещиц – действительно девчоночья комнатка; и тем не менее атмосфера здесь была довольно унылая.

У Кириямы было утомленное лицо. Виделось в нем что-то эфемерное, как в гаснущем фонаре.

Выглядывающая из-под свитера кожа была аномально бледной. Ни следа не осталось от всегдашней бодрой, здоровой Кириямы.

- Давно не виделись... – подал голос Тайти.

- ...Ага, – она ответила настолько тихо, что не услышишь, если специально не вслушаешься, но хотя бы ответила.

- Юи, выходи из дома. И приходи в школу. Все будет хорошо, – по-прежнему стоя, начал Аоки.

Никаких выжиданий.

Никаких трюков.

Тайти с Аоки были не настолько хитроумны.

- Ну что... Ну зачем вы опять пришли говорить эти слова... Я же вам говорю... Я не знаю, когда еще кого-нибудь стукну. Поэтому и не могу выйти...

«Инаба тоже правильно говорила, но я...» – с выражением муки на лице пробормотала Кирияма следом.

- Пусть даже так, но хикикомори – это не может быть решением на всю жизнь, – сказал на этот раз Тайти.

- Но... но...

Кирияма, повесив голову, в бог знает какой по счету раз повторяла «но».

До сих пор все шло, как в прошлые разы.

Сейчас начнется настоящая битва.

Все вверив Аоки, Тайти отступил на шаг и стал смотреть на него и Кирияму сбоку. Сегодня у него не ведущая роль, а просто роль боевой поддержки.

Без Ёсифуми Аоки говорить что-либо было бесполезно.

- Пусть так, но ты чересчур беспокоишься. Сейчас с тобой точно все будет нормально. Ничего такого не случится. И даже если случится, ты сдержишься! – напористо заявил Аоки, словно подпитываемый молчаливой поддержкой Тайти.

- Не... не надо так шутить... Я и сама хочу сдержаться, но, если случится «высвобождение желаний», ничего не смогу сделать... и ты это сам понимаешь, правда?

- Нет, такого не будет. Каким бы сильным ни было это «желание», абсолютно, что бы ни было, как бы ни было, если ты реально, серьезно, изо всех сил подумаешь «не хочу», это перебьет «хочу»!

Аоки не только говорил. Он и лицом, и всем телом сообщал это Кирияме.

- При «высвобождении желаний»... это не будет иметь значения... И если есть «желание», то стремление остановиться тоже не будет иметь значения... Разве не так?

- Это так, но в то же время и не так!

- ...А? – Кирияма нахмурила брови и склонила голову набок.

- А раз это не так, значит, всё в порядке! – снова заявил Аоки.

- ...Что?

Кирияма хмурила брови все сильнее.

Плохо... Кирияма, похоже, реально не понимает, в чем суть.

Или, может, это Аоки чересчур напорист, и из-за этого его слова толком не доходят. Получится ли? Может, стоит вмешаться? Просто наблюдать со стороны, оказывается, очень напряжно.

- Все будет хорошо. Если я тебе докажу, что на «не хочу» можно настоять, то ты выйдешь из дома? И придешь в школу, и к нам в кружок?

- А... э... если и я смогу настоять... то тогда...

Что «тогда» - Кирияма пока не произнесла.

- Отлично! Тогда поехали! - провозгласил Аоки, показав белые зубы. - Не хочу хвастаться, но я люблю Юи. Правда люблю. Очень сильно люблю. Суперлюблю.

Сейчас Аоки в самом деле выглядел поразительно классно.

Видимо, от внезапности его атаки Кирияма даже не залилась краской - лишь смотрела на него в прострации.

- И еще, не хочу хвастаться, но я... похотливый. Нет, если честно... очень похотливый. Страшно похотливый. Мегапохотливый, - разом перечеркнул он всё.

Это было задумано, но только что он был таким классным, и вот...

- И если сейчас высвободится мое желание... тоже если честно... не удивлюсь, если я на тебя наброшусь, Юи!

Эти ужаснейшие слова Аоки сопровождал прекраснейшей улыбкой.

Ошарашенное лицо Кириямы вмиг стало пунцовым.

- Ты, ты, ты, ты что такое несешь! Гадкиииииий!

И одновременно с этим воплем в Аоки полетела случившаяся под рукой у Кириямы подушка.

- Буфуу?! - это она врезалась Аоки в живот.

Ну, он это заслужил.

- Н-не, ты не так поняла, Юи! Дай продолжить, дай продолжить! - и Аоки выпрямился, готовясь к новой атаке. - Эээ... да, так вот! Не удивлюсь, если я на тебя наброшусь... Но я своей мощной силой воли, своей стальной решимостью, одолею собственное «желание»!

Именно в их положении такое заявление было особенно ценным.

- Когда я одолею свое желание и не наброшусь на тебя, это и будет доказательством: даже когда есть «желание», если ты сильно хочешь этого не делать, то «высвобождение желаний» можно победить!

Эти слова имели особенное значение в устах Аоки.

- Т-ты что, дурак?! Что ты такое несешь?! Не понимаю... Не, или понимаю...

- Именно. Поэтому, Юи... пошли вместе в любовный отель! Если там я на тебя не наброшусь, то ты поверишь в мои слова!

Потрясающий план, спокойно подумал Тайти, глядя со стороны.

Он не мог толком понять почему, но его лицо запылало от смущения.

- Ни за что! С какой радости я должна идти в такие места и рисковать, как дура, что ты на меня набросишься?!

Может, от возбуждения, но голос Кириямы тоже становился все громче.

- Этого ни за что не случится, я такого не сделаю!

- Ты хочешь сказать, ни за что не случится, даже если будет «высвобождение желаний»?!

Разъяренной Кирияме Аоки ответил прямо:

- Это потому, что я ни за что не захочу причинить тебе боль! ...Потому что я правда тебя люблю.

Кирияма застыла.

Полностью задеревенела.

С лица исчезло всякое выражение.

Как будто она начисто забыла, как двигаться, какое выражение лица делать.

- Я верю в свое желание не причинять боль Юи!

В итоге каждый все-таки действует лишь ради самого себя. Это признал даже человек, который все время говорил, что ставит чувства других выше собственных. Который говорил себе, что все сможет. Который говорил, что руководствуется рассудком, а не эмоциями.

Слова, что чувства других для тебя важнее всего, невозможно произнести, если не верить в них от всего сердца.

Сколько вообще в мире людей способны говорить такие слова?

Тайти, который, увы, из-за «высвобождения желаний» поднял руку на Нагасэ, был недостоин сказать то, что сейчас сказал Аоки.

Он лишь хотел бы когда-нибудь стать достойным этого.

- И потом, хотя я уверен, что так ни за что не будет, но, даже если я все-таки поддамся «высвобождению желаний», на тебя все равно не наброшусь. Потому что если попытаюсь наброситься... ты меня тут же отметишь!

- Но... но я... не хочу. Кому-то... тебе причинить боль... - со слезами в голосе выдавила Кирияма.

Страдальческим, нежным тоном.

- Это в том случае, если я облажаюсь. Если парень в плену у собственных желаний, его надо наказать. ...Но это в оочень исключительном случае. Я не проиграю, хе-хе-хе!

Рассмеялся Аоки неестественно веселым голосом.

И, словно притянутая этим смехом, Кирияма сквозь слезы тоже улыбнулась.

Плачущее лицо было в полном беспорядке, но улыбка - потрясающе красивая.

В комнате воцарилась чуть влажная, но теплая атмосфера.

- Если хочешь, Юи, прими какой-нибудь эротичный вид. Тогда мое достижение станет еще убедительней! Или простое белье, или костюм кролика, или передник на голое тело... - горячечно нес свой монолог Аоки.

Не слишком ли он перевозбудился, подумал Тайти, и тут...

- Никаких извращеениий!

В воздух полетела стоявшая на стеллаже коробка салфеток.

- Аай?! У, угол, острый же!

- Дуракдурак, дуррак!

При виде этой вполне стандартной сцены Тайти невольно выдохнул.

- Та-Тайти, кончай лыбиться!

Какое-то время Аоки страдал, затем повернулся к Тайти

- Т-так. Эй, Тайти. Давай, начинай вешать лапшу.

- Эй, про лапшу в том разговоре - это было между нами! Хотя бы сказал что-нибудь про «убедительные аргументы»!..

- А-ха, а-ха-ха-ха. Вы оба настоящие дураки. Ха-ха-ха, - в голос засмеялась Кирияма этой глупой перепалке.

Тайти подумал, что уже очень давно не слышал ее смеха.

- Ха-ха... Аа, повеселили. ...Ну, какую там лапшу ты мне собирался навешать на уши?

- Кирияма, и ты туда же?

Что за дела? С каким лицом ему теперь с ней говорить?

- ...В общем, я тут подумал: ведь «высвобождение желаний» направлено на то, о чем ты в этот момент думаешь сильнее всего, так? - собравшись с мыслями, начал Тайти.

- Ага... вроде так.

- Ну вот. ...Кирияма, тогда на станции ты сорвалась, но до того ты кому-нибудь причиняла явную боль?

- Раньше, в поединках и на тренировках по каратэ, бывало, но... там «причинять боль» было с немного другим нюансом... да? Тогда, значит, это было... в первый раз.

- Ага, я так и думал. Кирияма, раз ты до сих пор вот так вот никого не избивала, ты и не знала, каково это. Верно?

- А, ага.

- Но теперь-то ты знаешь, насколько это серьезно, как сильно от этого страдают и противники, и, конечно, ты сама. Поэтому, Кирияма, ты сейчас и думаешь: «Не хочу еще причинять другим боль».

Когда она в следующий раз выплеснет наружу свои эмоции, то уже будет знать о боли, о которой прежде не знала.

- Раз так, значит, вот это желание, «не хочу еще причинять другим боль», должно пересилить желание «хочу отлупить этого типа», так?

- К-конечно, сейчас, если хорошенько подумать... Если это назвать «желанием»...

Логика тут казалась довольно гибкой. Но верна она или нет, Тайти не знал. В первую очередь они не понимали толком само «высвобождение желаний», которое с ними происходило, а значит, что верно, а что нет, тоже не могли понимать.

Но сейчас необходимо было лишь убедить Кирияму.

Лишь помочь ей собраться с духом и сделать шаг вперед.

Поэтому и «лапша на ушах», и просто вранье - все годилось.

Главное - какими угодно речами изменить свой мир.

- По правде, я... тоже из-за «высвобождения желаний» один раз причинил боль Нагасэ.

- Э... - только и смогла вымолвить Кирияма.

- Н-не, понятно, я ее не избил, но... но все равно сделал ей больно. Возможно, я так говорю, потому что сам это сделал, но... это было сурово. И я тоже решил держаться подальше от других. ...И я понял, что хоть чуть-чуть, но понимаю чувства Кириямы.

Внезапно выражение ее лица изменилось.

Оно стало чуть мягче. Глаза словно говорили: «Ничего, всё в порядке».

- И вот такой я... понял, что все равно хочу быть со всеми. Честно, это просто дурацкий эгоизм. И ты, Кирияма... думаю, чувствуешь то же самое. Поэтому попытайся хоть чуть-чуть поверить в себя, а?

Он желал, чтобы Кирияма этого захотела.

- Во, да, гуд-джоб, Тайти! Но! Все эти аргументы не катят как доказательства... Поэтому, Юи... пошли в любовный отель!

Тайти подумал: слава богу, что сейчас в доме Кириямы никого, кроме самой Кириямы, нет.

- Сдохни! ...Но даже если бы мы пошли, все равно ведь не факт, что высвобождение желаний там случится!

- Тогда останемся на несколько ночей! Останемся, пока ты не скажешь «Хватит, я поняла»!

- Ааа, поняла, поняла! Ладно, пойду!

«Что?!» «Ни фиги себе?!» - разом изумленно выкрикнули Тайти и Аоки.

- ...В школу, - отведя глаза, тихо прошептала Кирияма. Ее щеки порозовели.

- Значит... ты больше не будешь хикикоморничать? - осторожно спросил Аоки.

- Это в сто раз лучше, чем идти с тобой туда, куда ты сказал.

- В сто раз?! Может, хотя бы в десять?!

- По-моему, проблема не в этом?.. - тихо пробормотал Тайти.

- ...Но... я все равно беспокоюсь... Точнее, не понимаю, что мне делать... Поэтому если будет опасно... пожалуйста, как-нибудь остановите меня, - и Кирияма поклонилась Тайти с Аоки. Поскольку она сидела на кровати в сэйдза, то чуть не уткнулась лбом в колени.

«Хорошо», - ответил было Тайти, но Аоки его опередил:

- «Остановите меня, пожалуйста»... По-моему, это чуток неправильная просьба, а?

И Аоки, скрестив руки, покачал пальцем перед лицом.

- Чт... что... не... нет?

На глазах Кириямы выступили слезы.

- Эй, что ты творишь! - не сдержал Тайти сердитого возгласа.

- П-погодите же! Ю, Юи, скажи вот так! Давай!

И Аоки проговорил что-то одними губами.

Кирияма подозрительным взглядом проследила за движением его губ и пробормотала:

- Защитите меня... пожалуйста?

- С радостью.

Высокий, стройный рыцарь опустился на колени перед склонившей голову набок принцессой с разметавшимися по кровати длинными каштановыми волосами.

Если человек один, он никому не причинит боль - это правда.

Если он с кем-то, то может причинить боль этому кому-то.

Но если рядом никого нет, то гораздо больше вещей человек не может получить.

Есть то, что в одиночку сделать невозможно.

Если двое объединят силы, то смогут помочь третьему.

Разумеется, не каждый раз все будет гладко.

Ни отбиваться, ни сопротивляться они не могут.

Но, объединив свои невеликие силы, могут не сдаться Халикакабу.

■□■□■

Она хуже всех.

Ниже всех.

Стресс постепенно накапливался. В эти дни, когда душа не знала ни минуты отдыха, она выматывалась. Слабела.

Но в первую очередь – она и не думала, что, когда ее нет в том месте, в душе ее образуется настолько большая дыра.

Ее терзало чувство утраты, желание заполнить дыру. Это раздражало.

Поэтому она отпихивала чувства прочь.

Честно говоря, она держалась от других подальше, потому что не хотела причинять им боль. В итоге все равно причинила и лишилась всего.

Тем не менее – это лучше, чем если бы они с ней сближались?

Лучше, чем если бы они были вместе с худшим из людей?

Сегодня в школе она обнаружила, что не может найти упаковку со стержнями от недавно купленного механического карандаша.

Она, видимо, просто забыла положить ее в пенал; вернувшись домой, она проверила. День был кошмарный, но это она запомнила.

Однако сколько она ни искала, найти не смогла. Похоже, потеряла.

Делать нечего, пришлось идти в ближайший магазин.

Найдя в магазине то, что искала, она вдруг подумала: глупо же покупать расходники на двести иен, когда она их уже покупала, а товар этот из тех, что, будучи куплен, прослужит долго.

В этот момент произошло «высвобождение желания».

Когда сознание вернулось в тело, она уже шагала в нескольких десятках метров от магазина, держа в руках неоплаченный товар.

Когда к ней вернулся разум – закончилось «высвобождение желания» – она в полном шоке вернулась в магазин и положила товар на полку. И, ничего не купив, вышла.

Нетвердой походкой она кое-как добралась до дома.

Она не могла поверить.

Она действительно подумала, что покупать – глупо. Но о том, чтобы украсть, она всерьез не

думала. Не должна была думать.

Потому что это – преступление.

Потому что это этически непростительно, даже если бы не было запрещено законом.

Но, похоже, она в себе ошибалась.

Ее истинная натура – уродливая, думающая лишь о собственной выгоде.

Все из-за того, что «высвобождение желаний» творит странные штуки с душой. Впрочем, такое оправдание бессмысленно.

Ведь другие такого не делают.

Значит, это чисто ее проблема.

Она такой человек.

Такой человек, как она, не должен находиться рядом с остальными.

...Она ворочала в голове все эти мысли, когда ей позвонила Иори.

В таком эмоциональном состоянии она была совершенно не в настроении разговаривать, поэтому не взяла трубку.

Тогда Иори явилась прямо к ней домой.

Ничего не поделаешь, пришлось впустить ее в комнату.

Первым делом они обе извинились за свои промахи.

Потом Иори сказала, что хочет, чтобы она вернулась в кружок.

Сказала, что, хоть от столкновений и может быть больно всем, но все равно Иори хочет быть вместе.

Она была очень счастлива это услышать.

Пусть даже она причинит кому-то боль. На это, возможно, будут причины.

Однако существуют естественные пределы.

Другие, может, не в курсе, но, когда у нее происходит «высвобождение желаний», она опасна.

И потом, она держит дистанцию скорее потому, что не хочет, чтобы ее ненавидели, чем потому что не хочет причинять боль.

Что может натворить такой человек, думающий только о себе? Она сама не понимала.

Иори она сказала, что ей нужно побольше времени, чтобы разобраться в своих чувствах.

Что когда-нибудь она непременно вернется в кружок. ...Хотя на самом деле, сможет или нет, она не знала.

Иори сделала очень грустное лицо, но сказала, что уважает ее решение.

Потом Иори спросила, не ненавидит ли она их всех. Она рассмеялась, сказала «Ну что ты, как можно».

«Ну, тогда будем ждать», - произнесла напоследок Иори и ушла.

Одновременно с раскаянием пришло облегчение от того, что она выдержала. И, осознав, что радуется тому, что выдержала, она себя возненавидела.

И все-таки, подумала она.

Почему это была Иори? Она считала, что больше всех любит совать нос в чужие дела Тайти. Иори в разговоре с ней упомянула, что обсуждала что-то с Тайти, но...

...А?

Почему вообще ее это волнует?

[1] Период Сёва - промежуток времени с 25 декабря 1926 года по 7 января 1989 года, время правления в Японии императора Хирохито.

[2] «Бандзай» - это не только боевой клич, но и выражение энтузиазма, и в этом качестве он традиционно сопровождается вскидыванием рук над головой.

<http://tl.rulate.ru/book/51682/1302362>